

Глава 71. Пути спасения. (Гермиона)

Следуя за Дамблдором, я разочарованно вздыхала. Лекция отца Себастьяна была такой интересной... и так жаль, что с нее пришлось уйти. А ведь инквизитор наверняка не закончил, и у него есть еще что рассказать об истории магии в США и ее текущем состоянии на Американском континенте... Да и кусочки истории Британии, пусть и поданные мельком и в качестве эпизодов некоей более общей истории — были крайне увлекательны! Жаль, что директору мы зачем-то понадобились. Хм... как бы дослушать лекцию? Или, хотя бы... Стоп! Рубины, рубинчики, рубинюшечки... Они же не откажутся поделиться воспоминанием с невестой своего сюзерена?! Так что остаток пути до директорского кабинета я провела в куда более хорошем настроении, чем когда Дамблдор только позвал нас.

— Гарри, Гермиона, присаживайтесь, — директор величественно устроился в своем кресле. — Я должен сообщить вам важные новости...

— Мы слушаем, господин директор, — склонил голову «добрый мальчик Гарри».

— Сегодня я получил воистину страшные новости. Из Азкабана снова совершен побег. На этот раз сбежали Антонин Долохов, один из самых сильных и опасных бойцов Волдеморта, и Беллетрикс Лестрейндж, в девичестве — Блэк, безумная садистка, запытавшая до безумия папу и маму Невилла.

— Ох... — я натурально вздрогнула. Нет, Гарри рассказывал мне и о Белле и об Антонине, но тут от Дамблдора повеяло такой жутью, что не дернуться я просто не смогла.

— Вы думаете... — начал мой жених, но был прерван директором.

— В прошлый раз Лестрейнджи были схвачены именно тогда, когда они искали своего Лорда. Боюсь, — директор строго взглянул на нас поверх очков-половинок, — что они и теперь не откажутся от поисков...

— Но ведь Долохов — заинтересовалась я, — вполне успешно прятался в маггловском мире, никаких лордов не искал и вообще...

— Да, Вы правы, мисс Грейнджер, — сменил форму обращения Дамблдор, демонстрируя «уважение». Если бы не Ученая, хмыкнувшая в глубине моего сознания, и Авантюристка, изобразившая общепринятый в таких случаях жест, я могла бы и поверить. — И делает ситуацию только хуже. Этот... русский, — директор, похоже, с трудом удержался от ругательства, — хорошо ориентируется и в магическом и в маггловском мирах, и способен на многое. Очень на многое. В прошлый раз, чтобы его схватить потребовалось десятков авроров, из которых выжило двое, причем один из выживших, Грозный Глаз Грюм, впечатляюще пополнил и так не маленькую коллекцию шрамов.

Разумеется, о Грозном глазе я читала, и прозвучавшее имя не могло меня не заинтересовать.

— Аластор «Грозный Глаз» Грюм? — спросила я. — Это тогда он потерял глаз и получил свой знаменитый протез?

— О, нет, — улыбнулся Дамблдор. — Аластор к тому времени уже лет пять, как был «Грозным глазом». Да и не любил Долохов «эффектных» заклятий, выбивающих глаза, наносящих шрамы... «Если быть — то бить насмерть». И если бы Аластору не удалось увернуться, то он обзавелся бы не очередным шрамом на лице, но дырой насквозь через сердце. Впрочем, Грюму и так нелегко пришлось... Поллегкого — в труху, еле восстановили. И если бы не Джон Аткинс,

сумевший, уже умирая, послать в Долохова круциатис — кто знает, может этот Пожиратель и сумел бы отбить подругу...

— Круциатис? — удивилась я. — Но это же Непростительное заклятье?!

— Да, — согласился директор. — Это темное и непростительное заклятье. И, боюсь, что Джон сильно затруднил свой путь к Престолу Света... Но именно круциатис — одно из немногих заклятий, способных продолжать действие даже после смерти наложившего. Так что я не могу обвинять Джона за такой выбор.

— Хм, — задумался Гарри. — Вы сказали, что Темного Лорда искали «Лестрейнджи». А из Азкабана сбежала только Белла. Что стало с остальными?

Дамблдор поморщился. Кажется, отвечать на этот вопрос директору не хотелось.

— Рабастан и Родольфиус Лестрейнджи были найдены мертвыми. Вернее... их тела остались в тех самых камерах, куда их посадили, а головы — оказались в камере, откуда сбежала Беллатрикс.

— Но зачем убивать союзников? — «удивился» Гарри. Я промолчала, потому как сыграть сколько-нибудь правдоподобно я бы не смогла. И мне оставалось только благодарить Архитектора Судеб, помешавшего Дамблдору «защитить» мое сознание, оставив щелочку для себя. Прочитай он сейчас мои мысли — был бы ой.

— Думаю, — пожевал губами Дамблдор, — что братьев Лестрейнджей принесли в жертву, чтобы вызвать бурю в варпе, стершую следы беглецов.

— Как же, — услышала я мысль Мориона, — этих двоих даже на легкий бриз не хватило бы. Гонору много, а вот Силы — кот наплакал.

— Впрочем, — продолжил директор, — я не затем позвал вас. Как я уже сказал, Долохов хорошо ориентируется в маггловском мире, так что нужно...

— Срочно эвакуировать Дурслей, — вмешался Гарри.

— И это — тоже, — улыбнулся Дамблдор. — Я рад, что ты сохранил способность прощать, несмотря на все, с тобой случившееся.

— Я способен простить того, кто угрожает мне... Но не того, кто оскорбляет Гермиону и угрожает ей... — Подозреваю, что сказано это было для того, чтобы не дать поднять тему Джонотана Смайлза, но я все равно обняла Гарри и прильнула к нему.

— Вот как раз о Гермионе я и хотел бы поговорить. Точнее — о ее родителях. Гарри, кровная защита — очень и очень сильна. Но если ей займутся два столь сильных мага, а внутри не будет никого, способного эту самую защиту оперативно править и обновлять...

— То когда защита рухнет, — прервал его Гарри, — Сила, высвобожденная каскадным падением щитов, преодолеет любой запрет аппарации и унесет родителей Гермионы в безопасное место.

Я кивнула. О наличии пяти путей «экстренной эвакуации», предусмотрительно заложенных в защиту, равно как и о том, что кровавая нить, связавшая меня с папой, а недавно — и с мамой, действует в обе стороны — распространяться не стоило.

— Вот как... — задумался директор. — Предусмотрительно. Жаль только, что никто из вас не взял в качестве дополнительного предмета Прорицание. Возможно, получив предупреждение заранее... Впрочем, что сделано то сделано, — махнул рукой Дамблдор, видя, как Гарри порывается вскочить и рассказать все, что думает о предсказательнице, каждое занятие предсказывающей смерть одного из учеников. — Но, на всякий случай, я оформил в Министерстве... — и директор протянул нам две цепочки, на которых висели песочные часы в кардановом подвесе. — Это — Маховики времени. Используйте их только в самом крайнем случае. И помните — они позволяют вернуться назад во времени не более, чем на три часа*. Если попытаться вернуться более, чем на этот срок — это может быть очень опасно. Непредсказуемо опасно. И ни в коем случае нельзя встречаться с самим собой, или передавать что-либо самим себе.

/*Прим. автора: на самом деле ограничение — пять часов. Дамблдор перестраховывается*/

— Но зачем Вы даете нам столь... опасные вещи? — удивилась я.

— Они опасны. Да... — протянул директор. — Но в крайней ситуации, когда враг уже будет торжествовать, они смогут оказаться оружием последней надежды...

— Спасибо, господин Дамблдор, — произнес Гарри, поднимаясь из кресла.

— Идите, ребята, — махнул рукой директор, приказывая горгулье отодвинуться и освободить проход. — И постарайтесь не рассказывать об... этих вещах никому. Все-таки их выдача третьекурсникам — не есть общепринятая министерская практика.

— Мы не расскажем, — ответил Гарри, и мне осталось только кивнуть, присоединяясь.

По коридоры мы шли, погруженные каждый в свои мысли. И, кажется мне, что мысли Гарри были далеки как от хроноворотов, так и от директора. Так что я даже не удивилась, услышав «не свою мысль»:

— Будь спокойна. Ничего плохого не случится. Я не позволю.

Я уже собиралась спросить Гарри, о чем это он... когда меня схватили за плечи и рванули в сторону. А в следующий момент мне в шею уперлась палочка и незнакомый голос произнес:

— Ну что, грязнокровая подстилка полукровного ублюдка, теперь мы по-другому поговорим!